

«ГЕНЕТИКИ» И «ТЕЛЕОЛОГИ» – ДИСКУССИЯ О РАЙОНИРОВАНИИ СССР

Меерович Марк Григорьевич

доктор архитектуры, доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук,
член-корреспондент Международной академии архитектуры.
Иркутский государственный технический университет.
Россия, Иркутск, e-mail: memark@inbox.ru

УДК: 72.03

ББК: 85.113(2)6

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические и методологические основы создания новой системы расселения, практически сформированной в СССР в предвоенный период в результате реализации программ коллективизации и индустриализации. Доказывается, что она целиком и полностью была производной от промышленного районирования, осуществлявшегося государственными плановыми органами, т.е. от решения о размещении «пролетарских ядер» – центров нового административно-территориального деления, призванных выступать в роли якорных факторов прикрепления трудовых ресурсов к местам освоения и переработки природных ископаемых и выпуска, прежде всего, военной продукции. В статье рассматривается содержание конфликта двух методологических подходов к административно-территориальному районированию: «генетического» и «телеологического».

Ключевые слова:

расселение, размещение промышленности, административное районирование, пространственный каркас страны, генетики, телеологи

Подготовлено при персональной финансовой поддержке П.Г. Щедровицкого в рамках научно-исследовательского проекта по теме: «Индустриализация в СССР (1926-1932 гг.)». № 11-2/3-2012.

С началом советской индустриализации прежняя система расселения была кардинальным образом реформирована. Фактически создана заново. На новых принципах, под новые цели, с «новым» населением. В период первых пятилеток был сформирован совершенно иной, нежели прежде, «пространственный каркас» страны, представляющий собой зоны расположения новых очагов расселения, представляющих собой «промышленно-селитебно-энергетические» комплексы численностью 150–200–300 и более тыс. человек, зачастую возводимые совершенно на пустом месте – в степи или тайге. Эти комплексы, окруженные обслуживающими их сельскохозяйственными территориями, связанные друг с другом системой транспортных путей, создавали, в целом, дезурбанизированную рассредоточенную систему населенных мест, но с созданными урбанизированными ядрами (соцгородами)¹, которая заполнялась населением за счет «добровольно-принудительных» миграций, инициированных, прежде всего, коллективизацией. В результате, в города-новостройки и возводимые рабочие поселки к концу второй пятилетки оказалось перемещено около 13,5 млн. рабочих рук, преимущественно, бывших крестьян².

Новая система расселения, созданная в результате реализации программ коллективизации и индустриализации, целиком и полностью была производной от расположения новых промышленных производств, электростанций, железнодорожных узлов, мест первичной переработки сырья и т.п. Т.е. от осуществлявшегося государственными плановыми органами промышленного районирования – решения о размещении «пролетарских ядер» – центров нового административно-территориального деления, которые и призваны были стать якорными факторами перемещения трудовых ресурсов в места освоения и переработки природных ископаемых и изготовления, прежде всего, военной продукции, которой в тот период придавалось первостепенное значение³.

Вторичность системы расселения по отношению к задачам формирования военно-промышленного комплекса, именовавшегося «тяжелой индустрией», практически не освещалась на страницах отечественной градостроительной научной литературы. Но в еще меньшей степени в научных трудах раскрывались принципы, по которым в Советском Союзе осуществлялось «промышленное районирование», являвшееся основой для теоретического определения мест размещения новых промышленных предприятий и, по сути дела, фундаментом государственной градостроительной политики, базисом районной планировки и расселения.

Нельзя сказать, что степень изученности темы нулевая. Работ по различным теоретическим аспектам районирования СССР очень много⁴. Часть посвящена обоснованию научных подходов и методологических установок формирования хозяйственных, транспортно-коммуникационных и распределительной систем⁵. Некоторые затрагивают и характер отношений между размещением промышленности и расселением⁶. Но в отношении анализа и внятного разъяснения причин (теоретических, политических, методологических, управленческих и иных), предопределивших решительный отказ советской власти от дореволюционной расселенческой политики, историография зияет полной пустотой.

Из имеющихся работ, прежде всего, нужно выделить те, которые относятся к периоду 1921–1930 гг. То есть с того момента, когда начали закладываться различные экономико-географические, политические, организационно-управленческие, концептуально-теоретические и иные основы нового административно-территориального районирования, и до того момента, когда всякие споры были резко оборваны сфальсифицированным процессом над «врагами народа» из якобы существовавшей «Трудовой крестьянской партии». Из этих работ следует назвать наиболее ключевые, основополагающие. Это либо официальные доклады государственных органов, занимавшихся районированием (прежде всего, Госплана)⁷ – в них, как правило, изложена суть принимавшихся решений, правда, часто в политически закамуфлированном виде. Либо обобщающие труды, подводящие научные и практические итоги работы, в которых зафиксированы факты «прочерчивания» новых границ, изменения административного деления, членения областей на несколько самостоятельных и т.п.⁸ Либо статьи и брошюры теоретиков, особенно активно влиявших на научное оформление принципов районирования, в которых авторы в полемике со своими оппонентами вынуждены были излагать существо своих взглядов предельно точно и аргументировано⁹ (в отличие от многих других работ, где основным доводом выступали ссылки на цитаты, выдернутые из трудов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина). Кроме того, это собственно материалы дискуссии воистину всесоюзного масштаба, на протяжении нескольких лет разворачивавшейся между сторонниками старой методологии районирования и новой¹⁰. Следует также отметить наиболее глубокие современные труды, посвященные анализу различия традиционной – «познавательной» позиции ученых-традиционалистов и противостоявшей ей в спорах конца 1920-х гг. «преобразовательной» позиции реформаторов – «плановиков-коммунистов»¹¹.

Цель данной статьи – выявить методологические основы промышленного районирования СССР начала первой пятилетки, заложившего базис нового административно-территориального чле-

нения территории страны и долгие десятилетия предопределившего характер системы расселения.

Задачами данной статьи являются: а) выявление и описание существа методологических и теоретических позиций, столкнувшихся в спорах о будущем советской России в конце 1920-х гг.; б) выявление причин, по которым один подход был поддержан советской властью, а другой отвергнут; в) выявление и разъяснение взаимосвязи политики размещения новых промышленных комплексов и советской градостроительной политики.

* * *

В начале 1920-х гг. по инициативе Г. Я. Сокольникова, бывшего в те годы наркомом финансов РСФСР, при Наркомате финансов создается Конъюнктурный институт, цель которого – отслеживать состояние рынка в стране, одной ногой вставшей на путь новой экономической политики. Возглавил его Н.Д. Кондратьев (1892–1938), а работали в нем такие видные экономисты-математики как Е.Е. Слуцкий, Я.П. Герчук, А.А. Конюс, Т.И. Райнов и др. [7]. Именно Н.Д. Кондратьев (рис.1), а также В.Г. Громан, позднее, в дискуссии о путях индустриализации возглавили одну из оппозиционных теоретических платформ. Им противостоял С.Г. Струмилин (Струмилло-Петрашкёвич, 1877–1974) (рис. 2). Он именовал свои взгляды позицией «плановиков-коммунистов». Третью – компромиссную позицию – выражал В.А. Базаров (Руднев, 1874–1939) (рис. 3).

Рис 1. Портрет Кондратьева Н.Д. Источник: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

Рис. 2. Портрет Струмили́на С.Г. Источник: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

Рис. 3. Портрет Базарова В.А. Источник: <http://www.president24.ru>

Именно с легкой руки В.А. Базарова эти два основных методологических подхода, столкнувшиеся и резко обозначившие себя в дискуссиях 1926–1927 гг. о стратегии народнохозяйственного планирования, получают наименования: «генетического» – основанного на экстраполяции существующих статистических данных о естественных тенденциях экономического развития, и «телеологического» – основанного на воплощения плановых директив и конструировании способов достижения целевых заданий-предуказаний (который отстаивали «плановики-коммунисты») [3, с. 9]. Базаров стремится найти между этими подходами «здоровый компромисс» – соединить их воедино, используя преимущества обоих. Прежде всего, основываясь на «телеологическом конструировании», которое, как он считал, должно являться основой разработки программ действий – исходить не из наличных средств и обстоятельств, а из постав-

ленной цели. Но с опорой на «генетический анализ» существующих естественных условий и имеющихся тенденций [3, с. 10]. Подобное слияние Базаров рассматривает как оптимальный путь сочетания в практике советского государственного планирования: а) «плана», который выдвигали государственные органы, и б) «рынка», возрожденного НЭП.

«Генетическая» точка зрения основывалась на традициях научной практики дореволюционного периода – выводить тенденции и закономерности естественного развития, исходя из систематизированных сведений о состояниях «объекта изучения» на различных стадиях его существования. Этот подход базировался на выявлении естественным образом происходивших и накапливавшихся в течение многих веков характерных свойств и закономерностей формирования определенных культурно-исторических областей со специфическими культурно-историческими укладами; на систематизации данных о совпадающих или различающихся признаках; на характеризующих эти признаки количественных показателях. К этой методологической позиции относились и концепция аграрных «генетических районов» Челинцева А.Н., и взгляды Кондратьева Н.Д., Чаянова А.В., Макарова П.Н. и др. [6].

Подход А. Н. Челинцева твердо основывался на традиционном статистическом выявлении однородных признаков:

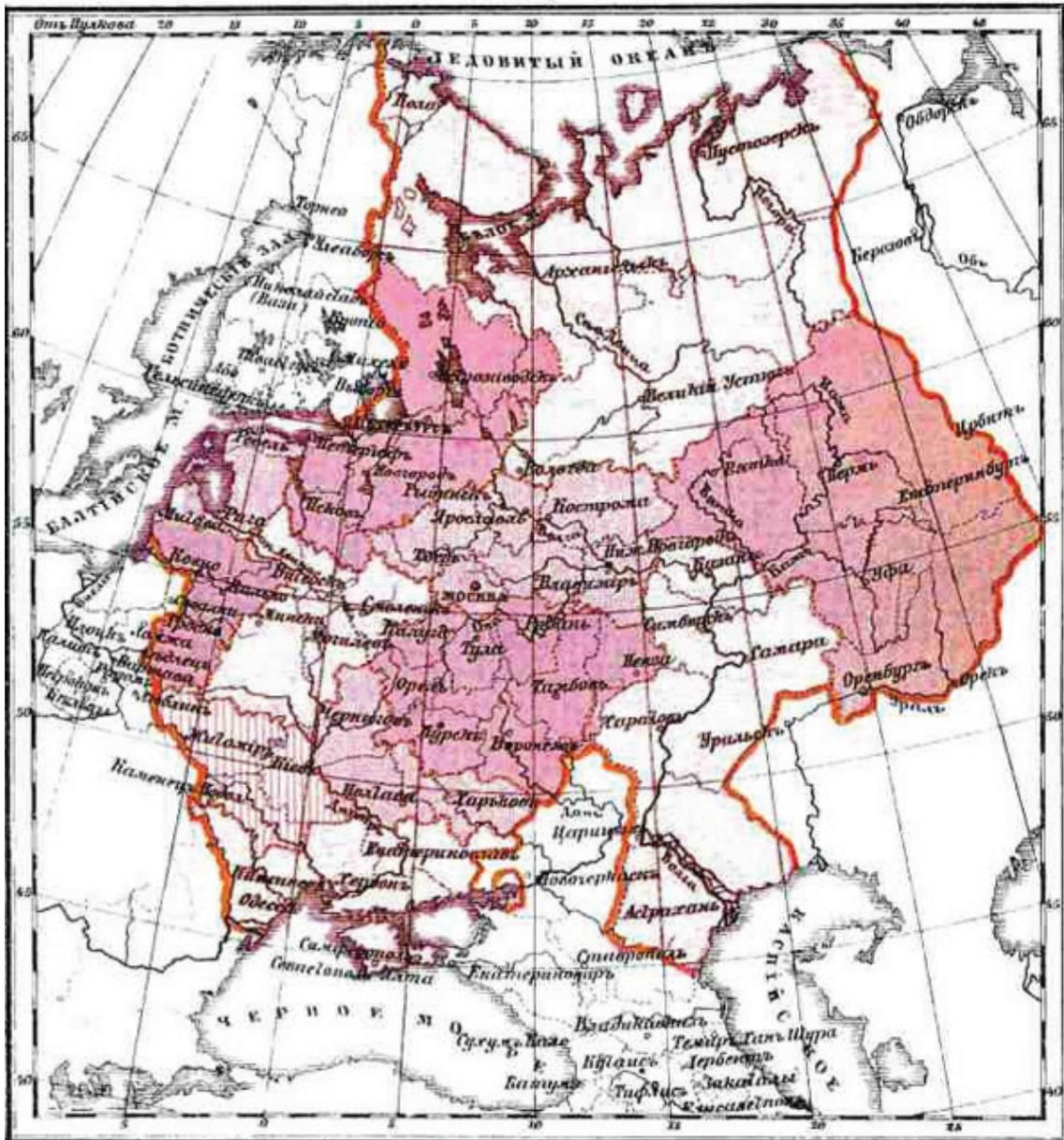
- а) «... нужно найти однообразные местности, которые могли бы характеризоваться однородными чертами строя сельского хозяйства», потому, что «типы организации сельского хозяйства» исторически локализованы географически в тех или иных местах, в соответствии с природными, исторически сложившимися техническими и прочими условиями;
- б) каждую такую местность нужно рассматривать как своего рода единое целое, и эту единицу рассматривать как объект политики;
- в) строить предложения о выделении аграрных районов и «перспективах их развития» следует, прежде всего, на основе выявления «однообразия факторов», а также причин этого однообразия; прогнозы должны основываться не только на желательности, но и на учете тех естественных факторов, которые способны либо помочь, либо помешать планируемым «сдвигам в организации сельского хозяйства» [16, с. 5].

Подобная научно-методологическая позиция была совершенно закономерной, потому что все предыдущее районирование России осуществлялось, прежде всего, на основе сельскохозяйственных признаков [4, с. 7]. А все остальные факторы брались, как производные или второстепенные. В том числе и касающиеся районирования промышленности. И следует заметить, что статистическое выявление естественных тенденций исправно работало, в том числе, и в отношении размещения промышленности, так как подобный «учетно-исторический» метод раскрывал закономерности роста производственных комплексов на тех или иных территориях, как результат воли и активности хозяйствующих субъектов, которые постепенно находили наилучшие формы для тех или иных видов производств и оптимальные формы их организации [2, с. 25].

Так, например, Семенов-Тянь-Шанский П.П. еще в 1871 г. предложил глубоко проработанную и поэтому ставшую наиболее популярной работу по районированию данного периода – схему деления европейской части России на области, исходя из таких признаков как: климат, плодородие почв, степень орошения, интенсивность сельского хозяйства, исторические особенности. Список этих признаков включал характеристику развития промышленности, но как сопутствующий, а не определяющий фактор (рис. 4).

Методология П.П. Семенова-Тянь-Шанского, который был главой Российского географического общества и являлся управляющим Центральным статистическим комитетом министерства внутренних дел царского правительства [12], была принята официальной статистикой как основополагающая и в дальнейшем служила базой для сбора статистических данных. В первое

РАЗДѢЛЕНІЕ 49 ГУБЕРНІИ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ НА ОБЛАСТИ
П. П. СЕМЕНОВА (1877–78 г. г.)

№ 2. — Границы 49 губерній раздѣленныя на области
"Областей."

Рис. 5. Предложения по районированию европейской части России (Рихтер Д.И., 1898 г.). Источник: Россия. Экономический отдел: Деление России на районы по естественным и экономическим признакам [Электронный ресурс]. – URL: http://dic.academic.ru/pictures/brokgauz_efron/b54_212-0.jpg

десятилетие советского времени ее широко использовало также и Центральное статистическое управление (ЦСУ) СССР.

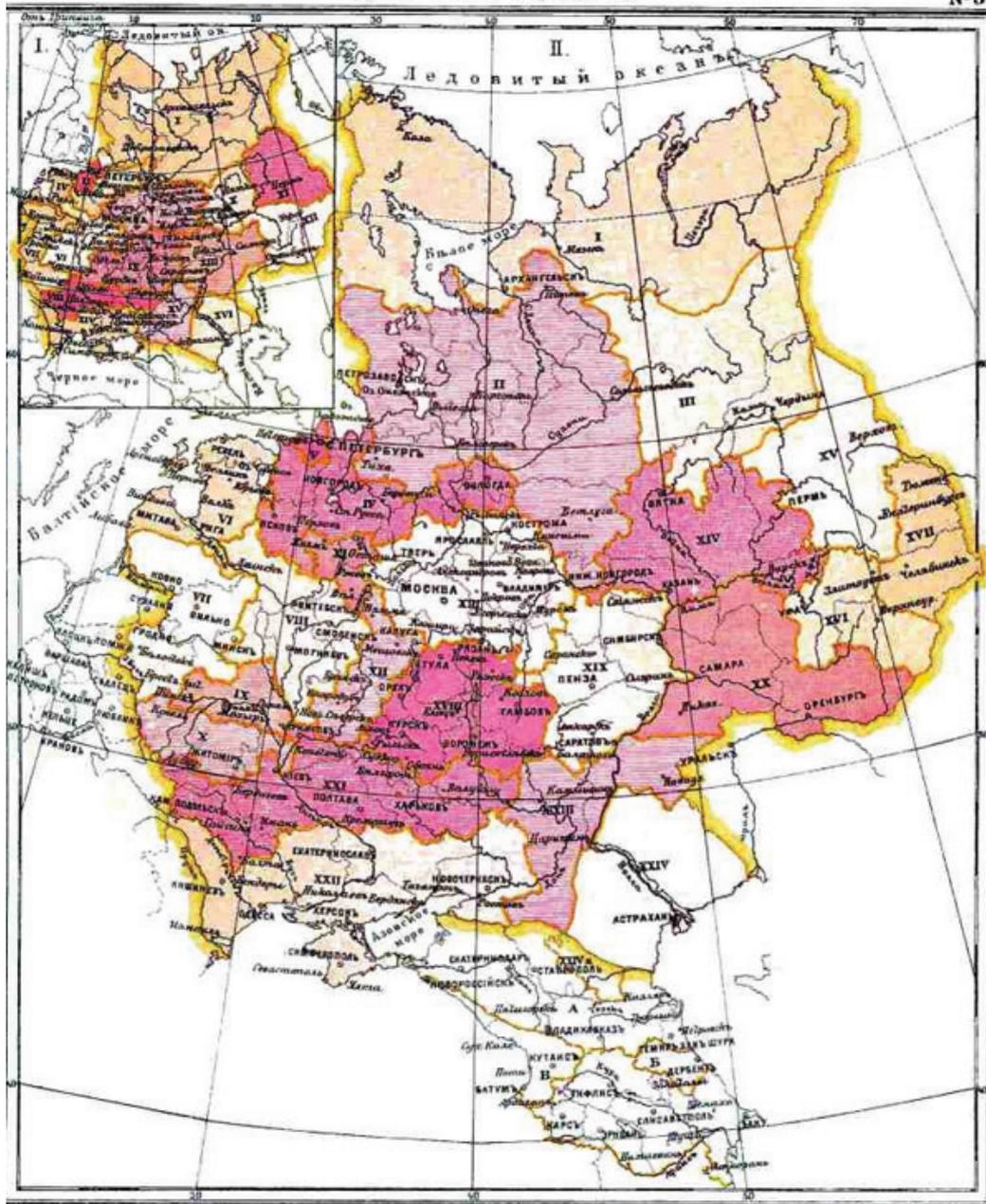
Следующей крупной вехой в теории районирования стал труд Д.И. Рихтера «Опыт разделения Европейской России на районы по естественным и экономическим признакам», в котором основой выделения областей также являлись «естественные факторы»: плодородие почв, распределение влаги, климат, растительный покров, занятия жителей, распределение земель и угодий, густота населения, степень развития скотоводства и проч. Фабрично-заводское население также учитывалось, но вновь лишь как один из сопутствующих, а не определяющих,

факторов. И развитие промышленности в рамках этой теоретической модели также являлось вторичным следствием проявления «естественных факторов», производной от сельскохозяйственного районирования (рис. 5).

Опытъ раздѣленія Евр. Россіи на РАІОНЫ по естественнымъ и экономическимъ признакамъ.

Д. И. РИХТЕРА (1898 г.).

№ 3

I. Названия районов при губернаторскомъ делении:		II. Названия районов при губернаторскомъ делении:		III. Названия районов Евразійскаго:	
I Сводный	I Южная Сибирійскій	XIII Чувашскій Промышленнскій	XXXIII Прикаспійскій и Прикаспійскому р.	(XVI или XVII)	
II С.-Петербургскій Областной	II Юго-Зап. Азиатскій	XIV Юго-Вост. Земледельческій	A. Сибирскій - Кавказскій		
III Нижегородскій Промышленнскій	III Юго-Вост. Азиатскій	XV Юго-Уральскій Промышленнскій	Б. Дагестанскій		
IV Приволжскій	IV Поволжскій Промышленнскій	XVI Южно-Уральскій Промышленнскій	В. Западн. Сибирскій		
V Московскій Промышленнскій	V С.-Петербургскій Подвѣдомскій	XVII Зауральскій Земледельческій	Г. Восточн. Сибирскій		
VI Уральскій	VI Прииришскій	XVIII Центр.-Землед. Черноморскій			
VII Малороссійскій	VII Западн. (Западн.)	XIX Владетско-Сурскій			
VIII Центральный земледельческій	VIII Волжскій	XX Западн. Черноморскій			
IX Юго-Вост. земледельческій	IX Поволжскій	XXI Малороссійскій			
X Сибирскій - Уральскій	X Юго-Зап. Азиатскій	XXII Новороссійскій			
XI Юго-Уральскій	XI Западн.-Пильскій Азиатскій	XXIII Юго-Восточн. тюркскій			
XII Юго-Вост.-Сурскій	XII Центральный черноморскій	XXIV Прикаспійскій			
XIII Восточн. Сибирскій					
XIV Восточн. Сибирскій					
XV Дагестанскій					
XVI Прикаспійскій					

Знаки: Граница картографическая, IV и V - именованія районов, А, Б, В, Г - губерній

Рис. 4. Предложения по районированию европейской части России (Семенов П.П. 1877–1878 гг.). Источник: Россия. Экономический отдел: Деление России на районы по естественным и экономическим признакам [Электронный ресурс]. – URL: http://dic.academic.ru/pictures/brokgauz_efron/b54_212-0.jpg

Состав базовых признаков районирования в научных трудах российских ученых постепенно дополнялся, усложнялся и расширялся, например, такими признаками как высота места над уровнем моря, удаленность от океана, геологическое строение земной коры (геотектоника) (А.И. Скворцов [13]). Или предложением введения «признаков-показателей», «признаков-индексов» (Никитин Н.П. [8]), или «фокусных признаков» (Книпович Б.Н. [10]) и др. Но базовые теоретические постулаты оставались неизменными – ученые исходили из того, что «вся экономическая жизнь страны определяется, прежде всего, присущими ей естественно-историческими условиями» [5], которые и предопределяют возникновение, а также интенсивность развития промышленного производства.

Существовали, конечно, и отступления от этой общепринятой методологии, которые выявляли факторы ключевые для развития собственно фабрично-заводской промышленности. Но эти факторы также имели «естественную» природу: исторически сложившиеся зоны концентрации населения, его плотность, характер основной деятельности коренного населения, исторически сформировавшиеся траектории перевозки грузов и, как следствие, направление путей сообщения и т.п. Так, например, в 1910 г. В.П. Семенов-Тянь-Шанский (сын П.П. Семенова-Тянь-Шанского) опубликовал большой труд «Город и деревня в Европейской России», в котором представлял районирование страны дифференцированным в соответствии со сложившейся плотностью населения – по реальным пятнам сгущения и разрежения. Д.И. Менделеев свои предложения по районированию России также основывал на иных категориях факторов, в частности, таких важных для развития фабрично-заводской промышленности как история населения, удобство путей сообщения и избыток легко и дешево получаемого топлива [12].

Но А.Н. Челинцев, принадлежавший к традиционной научной школе, твердо исходил из «условий природы» – наиболее существенных, многократно проверенных естественно-научных географических факторов. Его метод также имел свою специфику – основывался на выявлении производственно-организационных типов и укладов. Но, прежде всего, типов и укладов аграрного производства. А.Н. Челинцев утверждал, что именно сельскохозяйственное производство должно быть основой районирования России, потому, что именно оно является традиционным фактором интенсификации хозяйственного освоения территории страны. В целом, он исходил из основополагающего определения района, данного А.Ф. Фортунатовым еще в 1896 г.: «районом следует называть точно обозначенную на карте часть земной поверхности, отличающуюся от других частей какими-нибудь признаками» [12]. Это естественно-научное определение «района» в предреволюционный период было базовым в экономико-географической литературе. А статистическое выявление признаков «однородности» одной территории и «разнородности» ее по отношению к другим являлось базовым критерием прочерчивания границ между этими территориями и, как следствие, основополагающим принципом географического районирования.

Опираясь на эти знания, Челинцев критиковал Госплан в дискуссиях о районировании 1926-1927 гг. за неверный подход, неспособный обеспечить эффективность организации сельского хозяйства. Он говорил о том, что в госплановском проекте районирования «интерес» сельского хозяйства и «сущность сельскохозяйственного содержания» отодвинуты на задний план, никак не представлены: «Сейчас в перспективном плане народного хозяйства Госплана СССР нет порайонного подхода к ... сельскому хозяйству» [16, с. 6]. Он требовал от руководства Народного комиссариата земледелия (НКЗ) вмешаться – поправить госплановское районирование: «НКЗ должен определенно сказать, что невозможно рационально построить план сельского хозяйства, если не будут выделены однородные местности в сельскохозяйственном отношении и их перспективы» [16, с. 6].

Он, как и многие другие крупные и мудрые ученые, прекрасно знающие своей предмет, никак не мог понять, что Госплан сознательно не желает подходить «... к каждому району с точки

зрения тех функций, которые тот выполняет сейчас и которые может потенциально выполнить дальше» [16, с. 6]. Что «методология индустриализации» Госплана осознанно идет по пути принесения рациональной организации сельскохозяйственного производства в жертву определенному типу организации производства промышленного.

Позиция А.Н. Челинцева полностью соответствовала распространенной в этот период в среде экономистов-аграрников убежденности в том, что решать теоретические и практические задачи районирования в отрыве от условий конкретной местности и без опоры на массовый статистический материал – невозможно. Для них было очевидным, что без знания об исторически сложившихся закономерностях существования сельского хозяйства, без «рисующего» эту картину статистического материала, описывающего и раскрывающего специфику сельскохозяйственной жизни, нельзя построить какие-либо реалистичные прогнозы дальнейшего развития. Поэтому он, как и другие, искренне не понимает, почему концепции, которые обусловили успешность дореволюционного развития сельской экономики, не используются в работах Госплана. Он не понимает, почему ученые, сотрудничающие с Госпланом, дистанцируются от всего того, что было сделано в отечественной науке в царский период. Почему они объявляют статистический подход и соответствующие теоретические взгляды неприменимыми в советских условиях. Он не воспринимает сугубо идеологических деклараций, звучащих из уст его критиков, о необходимости отрицания основного правила экономгеографии, гласившего: «вся экономическая жизнь страны определяется присущими ей естественно-историческими условиями». Он категорически не согласен с провозглашаемым новым «правилом»: «естественно-исторические условия должны искусственно кардинально изменяться в соответствии с поставленными целями». Не понимает утверждения о том, что «факторы» и «тенденции» нужно не «выявлять», а «создавать». А районы не «обнаруживать» в результате исследований, а «образовывать», как следствие принятия перспективных планов.

«Генетикам» совершенно непонятно, как можно и для чего нужно, например, при районировании Туркестана «... однородный во всех отношениях кочевой район дробить на кочевников, кочующих в местности, богатой железной рудой, каменным углем и прочим, и кочевников, кочующих в местности, бедной полезными ископаемыми ...» [4, с. 21]. А «телеологи» разъясняли им, что не однородность территории с естественно сложившимися маршрутами периодических миграций должны братья в основу промышленного районирования, а сырьевые ресурсы и источники энергии, а кочевников нужно принуждать к оседлости и превращать в стабильные трудовые ресурсы, прикрепленные к земле и производству. Именно картина будущего состояния производства, – говорили телеологи, – должна лежать в основе планов размещения промышленности, а не естественные условия, которые следует целенаправленно трансформировать под задачи хозяйственного освоения данной территории. Так, например, если исходить из естественных признаков (почва, климат, растительность) и наличествующих статистических данных о степени экономического развития (плотность сети железных и гужевых дорог и т.п.), то, например, Кольский полуостров, больше тяготеет к Архангельску, чем к Ленинграду. Но госплановское районирование, формирующее будущие «производственные комбинаты», сознательно отрывает его от Северо-Восточного района и присоединяет его к Северо-Западному, потому, что однородность таких признаков, как «отсутствие благоприятных условий для земледелия» – слишком легковесное основание для единения с Архангельском. А вот задача создания будущего «комбината двух портов»: незамерзающего Мурманска и Ленинграда, напротив, аргумент очень весомый, поскольку присоединение Кольского полуострова к Северо-Западному району дает возможность в будущем сформировать здесь «специализацию по экспорту собственного сырья и транзиту с границей в общесоюзном масштабе». Кроме того, наличие железной дороги (на Званку в 110 км. от Ленинграда) несет потенциал формирования в перспективе «более тесной связи Мурманска с Ленинградом, чем с Архангельском» [4, с. 25] (рис. 6,7).

Рис. 6. Районирование Госплана. Северо-Западный область. Источник: Баранский Н. Экономическая география СССР. Обзор по областям Госплана. М.-Л. Госиздат. 1927 г. – 340 с., С. 46.

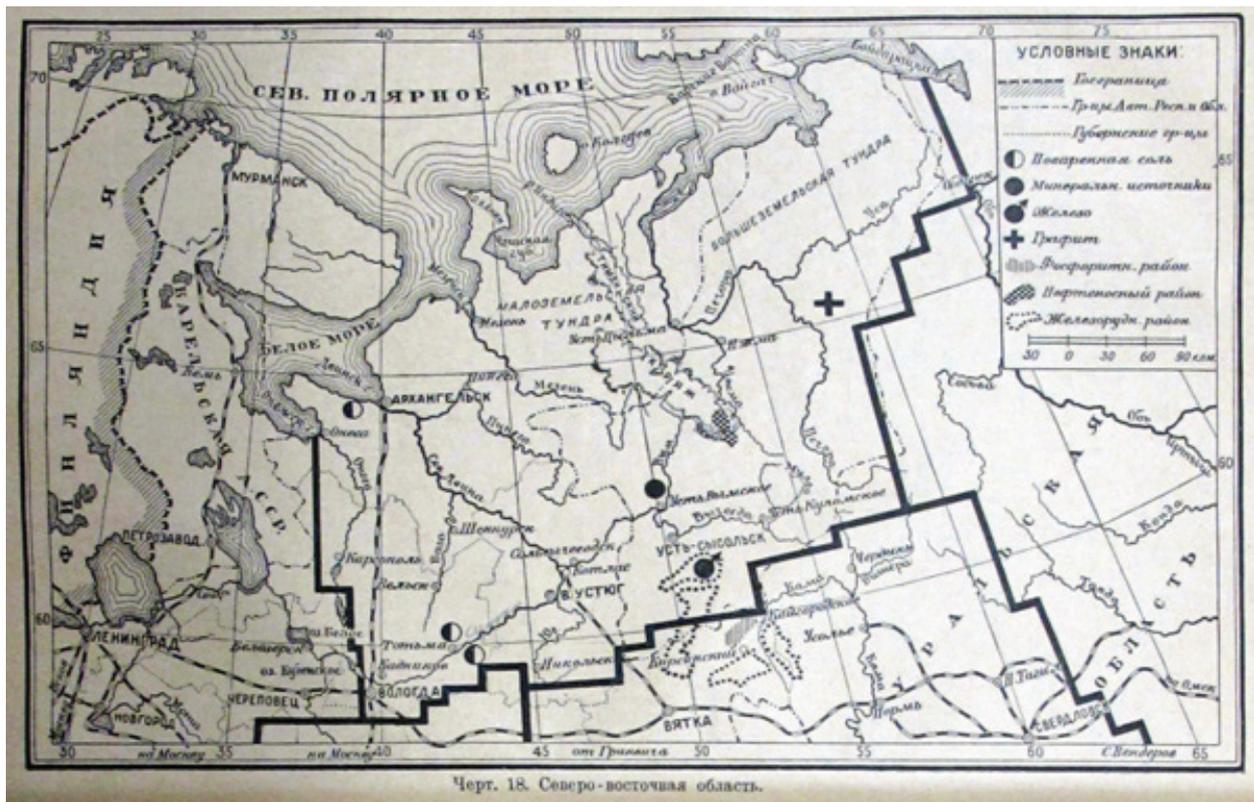

Рис.7. Районирование Госплана. Северо-Восточная область. Источник: Баранский Н. Экономическая география СССР. Обзор по областям Госплана. М.-Л. Госиздат. 1927 г. – 340 с., С. 60.

Челинцев и другие представители «генетического подхода» не способны осознать тот факт, что Госплан следует конкретной административно-управленческой логике запуска в общегосударственном масштабе процесса формирования системы современного, технологически передового военно-промышленного комплекса и поэтому осуществляет районирование, основываясь на концепции размещения в различных регионах новой военной (или, как ее всегда называли, «оборонной») промышленности. Не понимают, что госплановские разработки рассматривают программу индустриализации России как создание супергигантской «всесоюзной фабрики», централизованно управляемой из одного центра; а районирование используют как средство, призванное обеспечивать оптимизацию этого управления, одновременно, на отраслевом и территориальном уровнях.

Госплан, формируя новый промышленный костяк страны, занимает методологическую позицию, исходящую из примата целей – «телеологическую». Он исходит из того, что доставшиеся в наследство от капиталистической России «пространственно-застывшие массы основного капитала (промышленности – М.М.) с сосредоточенными вокруг них массами людского населения» [11, с. 40] не соответствуют задаче смещения сгустков военных производств на восток, вглубь страны, ближе к местам залегания природных ресурсов и подальше от границ с вероятным противником. Как следствие, в рамках генеральной установки на промышленную индустриализацию госплановские ученые в основу административно-хозяйственного членения территории страны кладут не сельскохозяйственное производство, а промышленное. А это означает, что не «однородность» природных условий и традиционные факторы ведения сельского хозяйства определяют места локализации и конкретные контуры границ новых районов (и требования к изменению конфигурации границ старых районов), а точки расположения промышленных новостроек (подчас на пустом месте – в степи, тайге – подле карьеров по добыче

сырья). Именно промышленные новостройки «назначают» места возникновения новых центров административно-хозяйственного управления прилегающей местностью. Они определяют будущую концентрацию населения. Они вызывают трассировку транспортной структуры и инициируют возникновение здесь в будущем крупных транспортных узлов. Именно из этого центра – «пролетарского ядра» – очерчиваются ареалы народно-хозяйственного влияния будущих «промышленно-селитебно-энергетических» районов, которые прихватывают и втягивают в сферу своего «потребления» прилегающие сельскохозяйственные территории, вне зависимости от их естественных природных условий, традиционно сложившихся характеристик или «культурной предрасположенности». Именно эти промышленные ядра, выступающие одновременно в роли центров административно-хозяйственного руководства, определяют границы прилегающих к ним сельскохозяйственных районов в том объеме, который нужен для снабжения городов продуктами питания и сельскохозяйственным сырьем. Подобная функциональная связь начинает трактоваться как практическая реализация очерчивание марксистского тезиса о «слиянии города и деревни».

Кто-то из ученых-«генетиков», как, например, А.В. Чайанов и Н.Н. Колосовский [5], пытаются оспаривать правильность госплановского принципа совмещения «районирования» и «администрирования»: «Считаем необходимым подчеркнуть, что выделенные организационно-производственные районы ни в коем случае не могут являться основанием для административного деления губернии» [15, с. 6]. Кто-то, как А.Н. Челинцев, протестует против «придуманности», «измышленности» районов, требует выводить их из «корней исторически сложившихся условий» [16].

Но все они не могут понять истины, на которой твердо основываются разработки Госплана – когда районирование осуществляется для целей управления общегосударственными цепочками производственных процессов, то и количество районов, и их величина, и способ очерчивания их границ, и все прочее определяется не «историческими предпосылками», а «целями». Т.е. трассировкой этих производственных цепочек, местами расположения их функциональных ядер, характером связей – траекториями транспортировки сырья, топлива, полуфабрикатов, конечной продукции. Именно в этом и коренится кардинальное отличие «генетического» и «телеологического» подходов. Именно на этом основывается «инженерная проектировка» нового пространственно-административного каркаса страны.

«Телеологи» – сторонники «искусственно-конструктивного» подхода к определению путей и темпов индустриального развития, решительно исходят из того, что методологически нельзя намечать стратегии и принимать перспективные решения, основываясь на наличных условиях СССР, потому что, экстраполируя существующее положение преимущественно аграрной России в ее советское будущее, можно построить только лишь аграрную перспективу развития. Но Советской России «совершенно невыгодно присутствовать в системе мирового разделения труда в роли поставщика сельскохозяйственной продукции и, тем самым, обеспечивать лишь подъём производительных сил других стран, вместо того, чтобы развивать собственную промышленную базу. СССР всячески стремится к тому, чтобы избежать превращения в ресурсно-колониальный придаток западного империализма» [14]. Будущее страны – в индустриализации, а не в аграризации.

Лидер «телеологической» методологии С.Г. Струмилин мыслит план индустриализации, как, впрочем, и любой другой план коллективной деятельности, как программу действий, ведущую из заданных конкретных условий к намеченной цели. Безусловно, не без учета специфики существующей обстановки и с ориентацией на наименьшие затраты времени и усилий. Но все это как условия вторичной важности. При первичности поставленных руководством целей.

Телеологи разъясняют, почему они считают учет существующих тенденций несущественными: в капиталистическом обществе, где воля и интересы отдельных классов и групп взаимно противоречат друг другу и сталкиваются, «объективная тенденция» возникает как равнодействующая разнонаправленных волей и интересов, как итог их стихийного взаимодополнения и взаимоподавления. Эта тенденция может быть исследована, выявлена и даже учтена при составлении прогноза. Но в СССР после революции уже нет стихии, а есть организованное государство производством. Нет противоречия между единой волей партии, которая определяет будущее, и «живой силой масс». Именно партия намечает прогноз, исходя из того, что необходимо иметь, а не из того, куда ведут стихийно сложившиеся тенденции [11, с. 35-36].

Они утверждают, что нужно не скрупулезно высчитывать количественные характеристики естественных факторов и выявлять признаки имеющихся тенденций, а определить, какие промышленные объекты нужно построить, наметить места их возведения, подсчитать расходы, составить план выделения государством финансов, т.е. «план капитальных вложений», проработать планы освоения этих средств с учетом трудовых, материальных и прочих ресурсов [11, с. 35-36].

Состав этих объектов, фактически, определяется исходя из главной цели – формирования ВПК. Для этого представители военного ведомства с самых первых шагов представлены во всех комиссиях, занимающихся разработкой плана индустриализации. Но эти военно-промышленные основания партийное руководство и обслуживающие партию ученые-экономисты тщательно скрывают, маскируя это словами о благосостоянии народа и называя «программой построения социализма», «планом волеустремленности народа», «генеральным планом развития народного хозяйства». В докладах тех лет часто говорилось о том, что «... НКПС разработал пятилетний план железнодорожного строительства, а ВСНХ – план промышленного строительства ...» и т.п. Но никогда не указывалось, исходя из каких соображений эти планы составлялись – кто указал НКПС куда следует тянуть железные магистрали, кто указал ВСНХ каким должен быть списочный состав и функциональная номенклатура промышленных объектов.

Эта закрытость исходных оснований вынуждала госплановских расчетчиков указывать те или иные цифры и формулировать определенные решения, не раскрывая со всей ясностью характера истинных целей, пряча их за расхожими лозунгами и общими политическими формулировками. Эта закамуфлированность и сегодня не дает возможности понять, почему принимались те или иные решения, откуда брались конкретные предписания, кто и почему назначал все более высокие показатели добычи угля и руды, производства стали и чугуна. Она и в 1930-е гг. не давала такой возможности. Критики писали: «... мы имеем совершенно правильно поставленную декларацию, которая показывает высоту понимания задач социальной политики тех работников Госплана, которые ее составляли, но, с другой стороны, отсутствие всякого анализа и экономического обоснования ... у читателя остается недоуменный вопрос о степени обоснованности всего того, что в этих декларациях имеется ... Сколько и чего требуют вопросы обороны от нашего хозяйства?» [11, с. 51, 85].

Именно этой скрытой, лишь изредка проступающей «военной начинкой» плана индустриализации объясняется жесткое противодействие госплановских разработчиков предложениям некоторых экономистов, и в частности В.А.Базарова, заложить в программу индустриализации стратегию широкого включения страны в международное разделение труда: не возводить в СССР все те предприятия, которые не имеют шансов в ближайшее время быть поставленными как массовое производство, не тратить напрасно силы, а закупать на Западе все то, что уже имеет успех в капиталистических странах [11, с. 36]. Струмилин и его единомышленники возражают: если мы не станем строить собственных авиационных заводов, а покупать самолеты за границей, где они в 2–3 раза дешевле, то что мы станем делать «в случае блокады, разрыва,

военных осложнений ... производительные силы должны развиваться в рамках целевой установки – повышать обороноспособность страны» [11, с. 37].

В.А. Базаров пытается осуществить синтез, с одной стороны, «телеологической методологии», идущей от «директивы» и «целевой установки», а с другой – «генетического» обоснования выбора пути к достижению цели [9, с. 166]. Он признает объективную неспособность предвидеть будущее на основе экстраполяции прошлого. Допускает возможность априорной постановки целевых заданий, то есть не связанной с предыдущим опытом и параметрами исходной ситуации. Он трактует «планирование» как поиск путей достижения цели с «наименьшей затратой времени и сил», на разработку которых и должно быть направлено «научное оправдание целей и обоснование их» [9, с. 166].

Для того чтобы плановое хозяйство представляло собой «максимально устойчивую систему подвижного равновесия», Базаров считает обязательным соблюдение следующих условий: плавный рост в запроецированных темпах; соразмерность в развитии отдельных отраслей и сторон народно-хозяйственного целого; оптимизацию размеров накопления во избежание возникновения узких мест. Базаров определяет как «телеологический стержень» плана «триединый постулат оптимального сочетания роста производительных сил, повышения благосостояния трудящихся масс и развертывания процессов обобществления».

Основной руководящей идеей индустриализации СССР Базаров считает достижение возможно большей эффективности при возможно меньших затратах на капитальное строительство. Трудность решения «кардинальной проблемы темпа» состоит в том, что преимущество планового хозяйства в возможности более рационального использования той части народного дохода, которая идет на реконструкцию (норма накопления), должно было быть ограничено рамками меньших размеров этой доли относительно капиталистического хозяйства, поскольку: 1) «как бы мы не старались сжимать потребительский спрос широких масс населения в течение тяжелого переходного периода, мы в этом отношении ни в коем случае не сможем достигнуть норм капиталистического хозяйства»; 2) аппараты планового управления хозяйством требуют относительно больших издержек. В этих обстоятельствах требуется эффективное использование частного накопления как внутри страны, так и за границей, а также следование принципу рациональной очередности: начинать индустриализацию с отраслей, производящих предметы потребления и те виды средств производства, потребность в которых уже носит достаточно массовый характер.

Считая реальными сроки создания одного или двух импортозамещающих производств в течение не ранее чем через 5–7 лет, Базаров рекомендует предпочесть закупку необходимых продуктов за границей или предоставление концессий и предостерегает от «поверхностной индустриальной экспансии» – скороспелого капитального строительства в тех отраслях, еще не завоевавших себе достаточно широкой базы в СССР» в целях максимально быстрого «экономического освобождения страны от иностранной зависимости».

Отстаивая в экономических дискуссиях 1928 г. позицию постепенного, пошажного развития имеющегося, довольно специфического, потенциала страны, Базаров вовсе не выступал принципиальным противником трансформации патриархально-натурального хозяйства. Но путь к этому видел особый – через «индустриализацию кустарно-ремесленных промыслов» с обязательным сохранением за ними их «домашнего» характера» [14]. Он настаивал на необходимости при разработке стратегических программ и планов власти отказаться от предлагаемого Госпланом «шаблона индустриализации в формах фабрично-заводского урбанизма». Иными словами, он предлагал не собирать кустарей вместе, на одной крупной фабрике, в качестве индустриальных рабочих, а оставить их по домам, «дать каждому по мотору», интенсифицировав тем самым их труд, и пусть они и дальше работают по своим углам. Причем, он пред-

лагал реконструировать, в первую очередь, те «отрасли, которые производят предметы широкого потребления и те необходимые для этого виды средств производства, потребность в которых уже теперь носит массовый характер» [14]. Именно «внутренний рынок», с его точки зрения, должен выступать маховиком развития народного хозяйства. Фактически, выражаясь современным языком, это было предложение о развитии малого бизнеса. Но подобные предложения были также категорически отвергнуты, так как не соответствовали управленческой стратегии власти на формирование трудо-бытовых коллективов, руководимых администрациями промышленных предприятий и учреждений. Вместо них восторжествовала директивная «телеологическая» позиция.

«Телеологический» подход соответствовал «генеральной линии партии» в значительно большей степени, чем прочие. Он полностью отвечал осуществляемому И. Сталиным повороту к волюнтаристскому назначению темпов индустриализации, к обоснованию необходимости системы чрезвычайных мер, к осуществлению насильственной сплошной коллективизации в целях «изыпания из деревни излишков трудовых ресурсов» для обеспечения программы индустриализации трудовыми ресурсами. Соответствовал принципам мобилизационной экономики, которую власть развернула с начала индустриализации, невзирая на то, что за окном вполне мирное время.

«Телеологический» подход был единственным, способным «научно-теоретически» обеспечивать обоснование показателей плана форсированной индустриализации. Именно поэтому С.Г. Струмилин, отстаивавший его, и выдвинулся на роль главного «научного проводника генеральной линии партии». Чувствуя за своей спиной влиятельную властную поддержку, он и его сторонники поспешили объявить возражения Н.Д. Кондратьева и А. Н. Челинцева «неонародническими», В.Г. Громана назвать представителем «диктатуры генетического подхода», а В.А. Базарова – сторонником «струвианского подхода» и автаркии (причем, совершенно непонятно почему, ведь Базаров призывал к диаметрально противоположному) [11, с. 36–38]. Себя же они позиционировали как «плановиков-коммунистов», отстаивающих «партийную программу» телеологического характера [7].

Занимая позицию «преобразовательного», а не «познавательного» подхода, Струмилин утверждал, что планы партии «... есть не планы-прогнозы, не планы-догадки», как у «генетиков», а «планы-директивы». Он на полном серьезе выдвигал методологический постулат о предназначении науки в советском обществе быть «служанкой партийных установок» [11, с. 39].

В конечном счете, победу в этих спорах одержала позиция, выгодная власти. Она формулировалась следующим образом: административно-командная система управления программой индустриализации должна быть основана на директивных установках: партия ставит цель и задачи и указывает ориентир; властные органы прилагают усилия к тому, чтобы организовать массы на их достижение; управление осуществляется командно-директивным образом (а если требуется, то и принуждением); наука «служит пролетариату», то есть производит доказательства важности спускаемых свыше целей, определяет конкретные способы решения поставленных властью задач и обосновывает текущие планы действий расчетными показателями, теоретическими моделями и разъяснением их значимости демонстрацией соответствия общим объективным закономерностям. На основе этой позиции и были сформулированы основные положения размещения промышленности и «территориально-производственного районирования», предопределившего реформирование существующего административно-территориального деления. Места размещения новых «промышленно-энергетическо-селитебных» образований определяются исходя не из «сложившихся естественно-исторических условий», а из «целесообразности» его размещения в данном месте, исходя из: 1) вида профильного производственного процесса и характера его взаимосвязи с сопутствующими процессами; 2) условий обеспечения производства ресурсами; 3) возможностей энергообеспечения, 4) потребностей устройства системы транспорта; 5) тре-

бований обеспечения организационно-управленческого единства протекания производственных процессов за счет административно-территориального обособления [1, с. 49].

Первое положение вытекает из номенклатуры военно-гражданских производств, являвшейся прямым следствием принятия советской военно-оборонной программы 12.

Второе положение, пожалуй, единственное, которое имеет отношение к естественным факторам – места залегания природных ресурсов, к которым и следовало приближать новые производства, а также ландшафтно-климатические особенности местности, влиявшие на выбор конкретной площадки (т.н. «физиографическое» районирование территории [1, с. 47]).

Третий фактор. Взаиморасположение промышленного комплекса и электростанции является важным территориально-планировочным вопросом. Но так как самый дешевый источник электроэнергии – гидроэлектростанция – привязан к определенным местам, следовало «взвешивать» в отношении будущих затрат, что выгоднее – строить промышленное предприятие ближе к гидроэлектростанции или приближать его к залежам природных ресурсов, возводя вблизи тепловую станцию и подвозя топливо по железной дороге [1, с. 47].

Четвертое условие. Система транспорта является ресурсом, который обеспечивает функционирование промышленности, она формируется «вслед» за очерчиванием промышленных районов, материализуя технологические и кооперативные связи между ними. В этот период система представлялась состоящей из шести главных составляющих:

- 1) межрайонные, так называемые «сверхмагистрали», перевозящие основные потоки грузов;
- 2) внутрирайонные магистрали и, прежде всего, транспортные пути, питающие сверхмагистрали;
- 3) пути, связанные с развитием экстенсивных производств;
- 4) пути главных пассажирских движений;
- 5) выходные пути к морским портам; 6) выходные пути к главным пограничным пунктам сухопутных границ [2, с. 39].

Пятое положение. Административно-территориальное членение закрепляет локальные фрагменты производственно-технологических цепочек, обеспечивая управление ими. Именно их «конфигурация» диктует трассировку границ промышленных и, как следствие, административных районов.

Установив режим личной власти, И. Сталин публично в конце 1929 г. на конференции аграрников-марксистов «разгромил» «антимарксистскую теорию равновесия» Базарова, пренебрежительно назвав баланс ЦСУ «игрой в цифири». Одна за другой в экономических журналах выходят инициированные властью статьи с изобличениями экономистов-«вредителей». Те из них, кто оказывается «уличен» в защите рыночных отношений и принципа равновесия, подвергаются репрессиям. Под личным контролем Сталина ГПУ фабрикует в 1930 г. процессы якобы действовавших в СССР «Трудовой крестьянской партии» во главе с Кондратьевым и Юровским и «Союзного бюро РСДРП (м)» во главе с Громаном и Базаровым. Главный сценарист сфабрикованных дел в своих письмах председателю ОГПУ Менжинскому и своей «правой руке» Молотову давал распоряжения: «провести сквозь строй гг. Кондратьева, Юровского, Чаянова и т.д.»; «Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять» [7]. Что и было исполнено.

Выводы

1. В отношении сути методологического и теоретического расхождения позиций, столкнувшихся в конце 1920-х гг. в спорах о будущем промышленного развития советской России, следует сказать следующее: районирование России, теоретически и практически осуществлявшееся в

дореволюционный период, основывалось на необходимости исследовательски-статистического выделения границ местностей, очерчиваемых на основе однородности естественных географических факторов-признаков. Считалось, что именно природно-климатические особенности и сельскохозяйственное производство должны являться основой районирования России, потому, что именно они являлись традиционным фактором интенсификации хозяйственного освоения территории страны. В дореволюционный период именно сельское хозяйство давало импульс возникновению промышленности, «предъявляя ей производственные запросы» и поставляя ей трудовые ресурсы (исторически сконцентрированные в определенных районах), а также обеспечивая промышленность некоторыми видами сырья.

Большевики изменили эту доктрину решительно и кардинально – согласно разработкам Госплана, не сельскохозяйственные ареалы должны впредь являться импульсом для возникновения новой промышленности, а новые промышленные комплексы, возводимые в местах залегания сырья, должны выступать фокусами формирования вокруг себя обслуживающих их зон сельскохозяйственного производства. «Методология индустриализации» Госплана сознательно шла по пути перевертывания с точностью до наоборот зависимости между организацией сельского хозяйства и организацией промышленного производства.

2. Основная причина, по которой «телеологический» (целевой) подход был подержан советской властью, а «генетический» (естественно-исторический) отвергнут, заключалась в том, что, намечая с началом индустриализации полное закрытие НЭП и всеобщий переход с рыночных отношений в организации народного хозяйства на трудо-мобилизационные, власть не нуждалась в учете стихийно складывавшихся тенденций, а решительно опиралась на волевое принятие решений и централизованно организуемое их принудительное исполнение. Для этого ей нужны были фактические сведения и основанные на их обработке научные знания совершенно особого рода – обеспечивавшие управленческо-«преобразовательные», а не исследовательско-«познавательные» действия.

3. Стратегия размещения новых промышленных комплексов и советская градостроительная политика оказались тесно связанными, потому что практическая реализация плана ускоренного создания военно-промышленного комплекса (индустриализация) требовала не только строительства новых фабрик и заводов, но и селитебного размещения подле них миллионов душ трудовых ресурсов, перемещаемых на новые места обитания. Эти места определялись в инстанциях, лежащих далеко за пределами сферы профессиональной деятельности архитекторов-градостроителей, которые никак не способны были влиять на этот выбор в пользу мест более приемлемых для жизни. Естественные условия местности, климата, культурных и ландшафтных особенностей в рамках общеметодологической победы «телеологов» над «генетиками» в течение всех последующих лет существования советской власти были поставлены в тотальную зависимость от искусственно (а подчас, попросту, волюнтаристски) намечаемых «общехозяйственных планов развития».

¹ Подробнее см. Меерович М.Г. Градостроительные аспекты формирования городских агломераций / Проблемы развития агломераций России. – М.: Красанд, 2009. – 192 с., С. 116–135; Теоретическое наследие отечественного градостроительства, или зачем современной России нужны агломерации (на материале Иркутского региона) / Проблемы развития агломераций России. – М.: Красанд, 2009. – 192 с., С. 135–166.

² О типологии миграционных потоков и причинах перемещения людей на стройки пятилетки, подробнее см. Типология массового жилища соцгородов-новостроек 1920-1930-х гг. [электронный ресурс] / М.Г. Меерович // Архитектон: известия вузов – 2010. – № 31. – режим доступа: http://archvuz.ru/2010_3/6

³ Об ассимилировано военно-гражданском производстве см. подробнее: Ассимиляция производства. По материалам книги Л. Самуэльсона «Красный колосс» (раздел коллективной монографии) / Правда Виктора Суворова-2. Восстанавливая историю Второй Мировой / Сост. Д. Хмельницкий. – М.: Яуза-пресс, 2007. – 320 с., С.144–154.

⁴ Александров И., Алкин И., Баранский Н., Буяновский М., Волков Е., Волобуев-Артемов М., Гольденберг Э., Гурари Е., Егоров К., Жданов Б., Ивановский В., Морозов Н., Саушкин Ю., Рыбников А. и др.

⁵ Белов П., Бессонов С., Блюмин И., Бернштейн-Коган С., Васютин В., Галицкий М., Дашковский И., Детина С., Каган И., Ковалевский Н., Краснов В., Лившиц Р., Осокина Е., Покшишевский В., Трошев Н., Чарновский Н. и др.

⁶ Бочаров Ю., Владимиров В., Власова Н., Жолков А., Зуев В., Колясников В., Силин Я., Наймарк Н., Фильваров Г. и др.

⁷ Крижановский Г.М. Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Государственной Общеплановой Комиссии (Госплана) (1921), Экономическое районирование России. Доклад Госплана III сессии ВЦИК. М., изд. ВЦИК (1922), Труды Госплана. Материалы к вопросу о районировании. Ч. I, кн. II (1923), Баранский Н. Экономическая география СССР. Обзор по областям Госплана (1927) и др.

⁸ Егоров К. Административное деление РСФСР в применении к экономическому районированию. (1922), Он же. Основы районирования РСФСР (1922), Районирование РСФСР (1926) и др.

⁹ Александров И.Г. Экономическое районирование России (1921), Книпович Б. Н. К методологии районирования (1921), Александров И.Г. Основы хозяйственного районирования СССР (1924), Александров И. Г. Производственные факторы в построении экономических районов (1926), Александров И. Г. Производственное районирование и его методология (1928) и др.

¹⁰ О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. Дискуссия в Коммунистической Академии (1928), Базаров В.А. О методологии построения перспективных планов (1926), Челинцев А. Н. С.-х. районы, порайонные перспективы сельского хозяйства и направление мероприятий с.-х. политики (б.г.)

¹¹ Каким быть плану: дискуссии 20-х годов: Статьи и современный комментарий (1989), История экономических учений: Учеб.пособие (2001). Дятлова Л.А. Концепция «генетических районов» А. Н. Челинцева (2005), Россия. Экономический отдел: Деление России на районы по естественным и экономическим признакам [Электронный ресурс] - http://dic.academic.ru/pictures/brokgauz_efron/b54_212-0.jpg, Споры о планировании. Источник: <http://abbzads.livejournal.com/31154.html?1343559079>, Демьяненко А. Н., Дятлова Л. А. Вопросы экономического районирования в работах экономистов-аграрников (2008) и др.

¹² Подробнее см. Меерович М.Г. Ассимиляция производства. По материалам книги Л. Самуэльсона «Красный колосс» (раздел коллективной монографии) / Правда Виктора Суворова-2. Восстанавливая историю Второй Мировой / Сост. Д. Хмельницкий. – М.: Яуза-пресс, 2007. – 320 с., С.144-154.

Библиография

1. Александров, И.Г. Производственное районирование и его методология / И.Г. Александров // Плановое хозяйство. – 1928. – № 4. – С. 46–58.
2. Александров, И.Г. Производственное районирование и его методология / И.Г. Александров // Плановое хозяйство. – 1928. – № 5. – С. 25–41.
3. Базаров, В.А. О методологии построения перспективных планов / В.А. Базаров // Плановое хозяйство. – 1926. – № 7. – С. 7-21.
4. Баранский, Н. Экономическая география СССР. Обзор по областям Госплана / Н. Баранский. – М.-Л. Госиздат. 1927. – 340 с.
5. Демьяненко, А.Н., Дятлова, Л.А. Вопросы экономического районирования в работах экономистов-аграрников / А.Н. Демьяненко, Л.А. Дятлова // Пространственная Экономика. – 2008. – № 4. – С. 71-102 [Электронный ресурс]. – http://www.spatial-economics.com/images/spatial-econimics/4_2008/demyanenko4_2008.pdf
6. Дятлова, Л.А. Концепция «генетических районов» А.Н. Челинцева / Л.А. Дятлова // Пространственная Экономика. – 2005. – № 2. – С. 144–153
7. История экономических учений: учеб.пособие [Электронный ресурс] / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 784 с. – URL: <http://economich.com/page/ieu4/ist/ist-8--idz-ax244--nf-29.html>
8. Никитин, Н.П. Сельскохозяйственное районирование Московской губернии / Н.П. Никитин. – М.: Госиздат, 1921.
9. Каким быть плану: дискуссии 20-х годов: Статьи и современный комментарий / Сост.: Э.Б. Корицкий. – Л.: Лениздат, 1989. – 224 с., С. 166. (Экономика социализма: антология идей)

10. Книпович, Б.Н. К методологии районирования / Б.Н. Книпович. – М.: Госиздат, 1921
11. О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. Дискуссия в Коммунистической Академии. – М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1928. – 126 с., С. 40.
12. Россия. Экономический отдел: Деление России на районы по естественным и экономическим признакам [Электронный ресурс] – http://dic.academic.ru/pictures/brokgauz_efron/b54_212-0.jpg
13. Скворцов, А.И. Хозяйственные районы Европейской России / А.И. Скворцов. – СПб., 1914. – Вып.1.
14. Споры о планировании. [Электронный ресурс]. – <http://abbzads.livejournal.com/31154.html?1343559079>
15. Чайнов, А.В. Сельскохозяйственное районирование Московской губернии. Введение / Под ред. Никитин Н.П. – М.: Госиздат, 1921. – С. 6
16. Челинцев, А.Н. С.-х. районы, порайонные перспективы сельского хозяйства и направление мероприятий с.-х. политики: мат. к перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства на 1928/1929–1932/1933 гг. / А.Н. Челинцев. – М.: Новая деревня, б. г.

Дата поступления: 01.11.2012

Лицензия Creative Commons

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons "Attribution-ShareAlike" ("Атрибуция - на тех же условиях").

4.0 Всемирная

«GENETICISTS» AND «TELEOLOGISTS»: DISCUSSION CONCERNING THE ZONING OF THE USSR

Meerovich Mark G.

Doctor of Architecture, Doctor of Historical Sciences, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy of Architecture and Construction Sciences,
Corresponding Member of the International Academy of Architecture.
Irkutsk State Technical University.
Russia, Irkutsk, e-mail: memark@inbox.ru

UDK: 72.03
ВБК: 85.113(2)6

Abstract

As Soviet industrialisation proceeded, the former system of population settlement was cardinally reformed. The various theoretical and methodological approaches to industrial zoning that became clearly visible in the second half of the 1920s received the names "genetic", based on extrapolation of existing statistics on natural economic development tendencies, and "teleological", based on the implementation of planning directives and development of ways to achieve targets (it was defended by the "communist planners" working at the Gosplan state planning agency).

As a result of the victory of the teleological approach, a new resettlement system was developed, first theoretically and then practically, which was an absolute derivative of industrial zoning. The location of «proletarian kernels», i.e. new industrial facilities, power stations, railway junctions, primary raw material processing factories, mines, etc. was defined proceeding, first and foremost, from the objectives of developing the military-industrial complex – at agencies that were outside the scope of professional architectural and town-planning work and were in no way capable of influencing this choice in favour of locations that would be more suitable for living. Given the political victory of "teleologists" over «geneticists», local terrain, climate, culture and landscape would be sacrificed to artificially (and, sometimes, just arbitrarily) constructed «national economic development plans» for many years to come.

Keywords:

population settlement, deployment of industry, administrative zoning, spatial structure of the country, geneticists, teleologists

References

1. Александров, И.Г. Производственное районирование и его методология / И.Г. Александров // Плановое хозяйство. – 1928. – № 4. – С. 46–58.
2. Александров, И.Г. Производственное районирование и его методология / И.Г. Александров // Плановое хозяйство. – 1928. – № 5. – С. 25–41.
3. Базаров, В.А. О методологии построения перспективных планов / В.А. Базаров // Плановое хозяйство. – 1926. – № 7. – С. 7–21.
4. Баранский, Н. Экономическая география СССР. Обзор по областям Госплана / Н. Баранский. – М.-Л. Госиздат. 1927. – 340 с.
5. Демьяненко, А.Н., Дятлова, Л.А. Вопросы экономического районирования в работах экономистов-аграрников / А.Н. Демьяненко, Л.А. Дятлова // Пространственная Экономика. – 2008. – № 4. – С. 71–102 [Электронный ресурс]. – http://www.spatial-economics.com/images/spatial-economics/4_2008/demyanenko4_2008.pdf

6. Дятлова, Л.А. Концепция «генетических районов» А.Н. Челинцева / Л.А. Дятлова // *Пространственная Экономика*. – 2005. – № 2. – С. 144–153
7. История экономических учений: учеб.пособие [Электронный ресурс] / Под ред. В. Автономова, О. Ананьина, Н. Макашевой. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 784 с. – URL: <http://economuch.com/page/ieu4/ist/ist-8--idz-ax244--nf-29.html>
8. Никитин, Н.П. Сельскохозяйственное районирование Московской губернии / Н.П. Никитин. – М.: Госиздат, 1921.
9. Каким быть плану: дискуссии 20-х годов: Статьи и современный комментарий / Сост.: Э.Б. Корицкий. – Л.: Лениздат, 1989. – 224 с., С. 166. (Экономика социализма: антология идей)
10. Книпович, Б.Н. К методологии районирования / Б.Н. Книпович. – М.: Госиздат, 1921
11. О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. Дискуссия в Коммунистической Академии. – М.: Изд-во Коммунистической Академии, 1928. – 126 с., С. 40.
12. Россия. Экономический отдел: Деление России на районы по естественным и экономическим признакам [Электронный ресурс] – http://dic.academic.ru/pictures/brokgauz_efron/b54_212-0.jpg
13. Скворцов, А.И. Хозяйственные районы Европейской России / А.И. Скворцов. – СПб., 1914. – Вып.1.
14. Споры о планировании. [Электронный ресурс]. – <http://abbzads.livejournal.com/31154.html?1343559079>
15. Чайанов, А.В. Сельскохозяйственное районирование Московской губернии. Введение / Под ред. Никитин Н.П. – М.: Госиздат, 1921. – С. 6
16. Челинцев, А.Н. С.-х. районы, порайонные перспективы сельского хозяйства и направление мероприятий с.-х. политики: мат. к перспективному плану развития сельского и лесного хозяйства на 1928/1929–1932/1933 гг. / А.Н. Челинцев. – М.: Новая деревня, б. г.